

Смоленщина, я внук артиллериста
И не застал немецкий артобстрел,
Но помню, говорили: смерть когтиста.
И от обиды я тогда взревел.

Взревел я оттого, что было стыдно,
Что не упасть в заснеженный окоп,
Что жизнь моя сыта, не инвалидна,
И ранит сердце пустомелей треп.

И пусть я не замковый, не наводчик,
Но есть друзья, и это мой расчет,
Который никогда не подведет
В кольце интриг, кредитов, и рассрочек.

Смотрю назад, и выглядит холмисто
Дорога предков за моим плечом,
И надо мной, под облачным крестом,
Не солнце, а лицо Евангелиста.

ВЕСТЬ

Город смерти похож
На кровавый узвар,
Разве здесь разберешь –
Немец или мадьяр.

Из подвалов и окон
Не смолкает обстрел,
Обжигающий локон
Меня жадно пригрел.

Сорок дней в Будапеште
Скрежет, грохот и вой,
Вы стреляйте и режьте,
Кто остался живой.

Ветер, ты разнесешь
В глубь смоленских полей,
Там, где плещется Сож,
Весть о смерти моей.

***

Махнул, не глядя, дед часы «Буре»
На «Ланг унд Зене» с римским циферблатом,
И было это в знойном сорок пятом
Под Ельней на проселочном дворе.

Держал он путь в смоленское село,
И подгоняли в дом родной минуты,
И механизм, сработанный в Гласхютте,
Переменил июльское число.

Калило все вокруг рябое солнце,
Секунды счастья считывал трофей,
Добытый у эсесовца-саксонца
В боях под Прагой в огневице дней.

И всю дорогу он мечтал, что снова
Увидит сквозь туман берег Десны,
И дом, и сад, где он оставил сны.
Но дед не знал, что выжжено Дуброво.

ТРОФЕЙ

Был воздух, переполненный басами,
На запахи весенние богат,
И каждому из нас под небесами
Распахивался стройный звукоряд.

И смоляки с улыбкой напевали
Знакомые всем песни о войне.
А инструмент, что сделан в Клингентале,
Подвластен был седому старшине.

Работали вовсю клавиатуры,
И воздух нагнетал мгновенно мех.
А взгляды были веселы и хмуры –
Победа ведь была одна на всех.

Саксонская из тысячи гармоник
Утешила страдальный мой народ.
Но время не утешит, не убьет
В сердцах людей героев кинохроник.

БЕДНИК

Под покровительство икон
В теплушке в стены интерната
На монастырский рацион
Доставлен был солдат когда-то,

В кулак зажав засохший хлеб,
Вновь смерти ждал смоляк безногий,
Никто не знал, когда ослеп
Герой военных антологий.

Не мог смотреть он вверх и вниз,
И как на фронте было страшно,
Боялся он прыгучих крыс,
Шныряющих вокруг вальяжно,

Они сжирали всю еду,
И в тьму вползала голодуха,
И он, познавший нищету,
Был жив Господней силой духа.

КАНОНИЦА

Время неслышно в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряжи в платок.
Что тебе снится, родная каноница?
Где твой избранник израненный слег?

Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь, как вой орудийный затих?
Где же погиб твой веселый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?

Долгие годы жила ты в затворе,
Кто-то, как раньше, окликнет: «Сестра!»
Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра.

Всех подступавших мольбами жалея,
Вечно ты ликом была весела.
Множество бед ты в себя вобрала.
Как ты любила всех, мать Пелагея,
Ты – словно Бога земная хвала.

Как же мила ты, слепая солдатка!
Ты – приходящих молитвенный тыл.
Вечер Пасхальный кресты осенил,
И среди всех монастырских могил
Мне у твоей одиноко и сладко.

БЕСПАЛЫЙ

Раскинулась за домом нежно радуга,
И мы расселись важно на крыльце,
И дверь была закрыта туго-натуго,
Ушла хозяйка, позабыла о жильце.

От «козьей ножки», полной самосада,
Газетная распространялась вонь.
Болтал вязьмич смешно, замысловато
О том, как не использовал он бронь,

О том, как посреди крестов и свастик
Дымящихся Зееловых высот
Кончины ожидал десятиклассник
В тот самый важный сорок пятый год.

Он говорил, что Божий он избранник,
Что баловень он, как ты ни крути,
Что починил на днях сапог и краник,
А я смотрел на две его культи.

ОКРУЖЕНЕЦ

Весенний лес был полон соловьями,
Взвивался к солнцу звучный перелив,
А он сказал: «Под нашими ногами
Лежат друзья, а я остался жив.

Мы пили воду из дорожной лужи,
Мы яблочную доедали прель,
Но знали, что бывает и похуже,
И хуже стало после двух недель.

Мы обошли угрюмую пустошку,
И с голодухи нас прельстила вонь,
И мы копали сгнившую картошку,
И пулеметный в спины лил огонь,

И в поле я лежал между телами,
И мягок был под Вязьмой чернозем,
И небо омывало нас дождями,
И я простился с пленным октябрём».

СТАРИЦА

Расписная косынка,
Свет в глазах не померк,
Не старушка – тростинка,
А брала Кенигсберг.

Говорит: «Знаешь, сколько
В равелинах ребят,
И Сережа, и Ольга,
И Егорыч лежат...

После минного взрыва
Меня вынес майор», –
И пошла горделиво
На обедню в притвор.

Память годы полощет,
Превращая в дымок.
В этой яростной мощи
Всей Руси оселок.

БОБЫЛИХА

А мы с тобой в природном сросте.
Чего еще мне пожелать?
Но я к тебе не еду в гости.
Как сын, в делах забывший мать.

Мне снится колкий верещатник
И холм, что издревле лесист,
И твой промокший черный ватник,
И дом, который неказист.

И ты, присев за подоконник,
Роняешь две скупых слезы.
Глядишь пугливо в бабкин сонник
И ждешь, когда придут везы.

И в этот миг из-за околиц
Снисходит свет немой луны,
И в нем любимый доброволец,
Погибший в первый год войны.

СТАРОСТА

Теперь ты читаешь канонник
И ждешь, когда смолкнет притвор.
А помнишь, был полон патронник
И клацал винтовки затвор?

Ты гладил изгибы приклада,
Ласкал механизм спусковой,
И прочь уходила пощада,
И месть породнилась с войной

Притихнувший на изготовке,
Добычу ты ждал ночь и день,
И жадно в прицеле винтовки
Завидев живую мишень,

Смертельную делал работу,
Не чувствовал радость удач,
И не поддавались подсчету –
Кто проклял тебя, наш меткач.

ДИВО

«Помоги мне, внучек, помоги же!» –
Воскликнула бабка у ларька.
Шаг, другой – я становился ближе,
Мы стояли в первомайской жиже,
Вот меня взяла ее рука.

Платьице старинное в горошек
И послевоенный макинтош.
Говорит: «Ну, может быть, возьмешь
Хоть одну из четырех матрешек? –
Мой товар намоленный хорош!»

Плечи макинтоша все в помете,
С образом угодницы платок.
Говорит: «Родименький внучок,
Господин, товарищ, ну, возьмете?», –
Поправляя Божий образок.

«Ты не думай, я не побирушка!
Отнесись с доверием к вещам,
Посмотри – и убедись сам –
Это ведь счастливая игрушка,
Я тебе задешево продам.

Дед мой, хоть без ног, но еще ловок,
Правда, выпивает и охрип.
У него из самых мягких лип
Сушатся десятки заготовок,
Только третий день замучил грипп.

Мастерит он множество фигурок,
Мне бы прикупить ему гуашь.
Вот отправил и сказал: «Продашь!»
Раздавил протезами окурок,
Он же офицер, а не торгаш.

Да ругнет, бывает, меня матом
И сидит, нахмурившись, один;
Вспоминает Вязьму и Берлин –
Мы же повстречались в сорок пятом,
В день его небесных именин.

На себе тогда его тащила,
Был тяжел израненный мужик.
Я не помню отрешенный крик –
Все звала святого Михаила –
Вот и выжил милый фронтовик.

Года два за ним носила утку,
Он ходить тогда еще не мог.
Знаешь, дорогой ты мой внучок,
Жизнь сыграла с нами злую шутку.
Сколько я молилась – знает Бог».

Словно нимб, вокруг летали мошки
Над ее покрытой головой.
Я был между миром и войной.
А в портфеле нежные матрешки
О любви шептались фронтовой.